

Глава 3

ВОЕННО-УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Наука военно-уголовного права есть не более,
как отрасль науки права общеуголовного...

Но признание военно-уголовного права
отраслью права общеуголовного
не исключает возможности признания
его отраслью самостоятельной.

В.Д. Кузьмин-Караваев

Военно-уголовное право (с него все и началось...).

А.В. Кудашкин

Понятие «военно-уголовное право», известное до недавнего времени лишь узкому кругу специалистов, получает в последние годы все более широкое распространение в юридическом лексиконе как теоретиков права, так и практических работников. Основная причина этого явления заключается в том, что данное понятие начало все более активно использоваться в теории уголовного и военного права, а также в связи с постоянно возрастающим вниманием общества к проблемам комплектования и функционирования Вооруженных Сил Российской Федерации. Однако это несколько не облегчает задачу выяснения того, какое именно содержание вкладывается в данное понятие. Тем более что в рамках восходящих к марксизму-ленинизму научно-теоретических и идеологических воззрений, определявших развитие юридической науки в России во второй половине XX столетия, существование военно-уголовного права как полноценной научной дисциплины полностью отрицалось, а как учебная дисциплина военно-уголовное право не существовало вовсе. Это актуализирует потребность в восполнении недостатка знаний об истории возникновения и развития, причинах генезиса, понятии и сущности военно-уголовного права и его современной парадигмы, столь необходимых

для понимания реальностей современного развития военного и уголовного права и юриспруденции в целом.

Решение указанных задач осложняется тем, что та область научных исследований и разработок, которая называется «военно-уголовное право», в настоящее время в российской юридической науке не оформлена как единое целое ни в предметно-теоретическом, ни в социально-организационном плане.

Состояние современной юридической науки характеризуется отсутствием единых идеологических и политических регламентаций и установлений, многообразием научных школ, широтой научных взглядов, а также отказом от универсальных и унитарных схем.

Современная военно-юридическая наука уже не является заложницей идеологического диктата и идей, высказанных более полувека назад, когда в силу определенных научно-политических воззрений, определявших тогда развитие юридической науки, военно-уголовное право было заклеено как теоретически несостоятельная и практически вредная наука, а на сам термин был на долгие годы наложен запрет.

Происходящие в настоящее время расширение границ юридического знания, усложнение взаимосвязей между отраслями, подотраслями и институтами права, научными дисциплинами, переплетение и взаимопроникновение методологических основ различных отраслей права, интенсивные процессы дифференциации и интеграции юридических наук, постоянная детализация научных исследований, а также необходимость комплексного подхода к ним ставят множество новых и значимых задач, требующих своего решения.

В сущности, процесс формирования новой парадигмы военно-уголовного права является частью некоторого общего постоянного процесса, охватывающего различные области постсоветской юридической науки и связанного со сменой существующих приоритетов, появлением новых систем идей, принципов и нормативных моделей, а также новых областей юридического знания. Одной из составляющих этого сложного процесса является современное военно-уголовное право.

§ 1. ГЕНЕЗИС ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ПРАВА

В последние годы появился ряд научных публикаций, в которых авторами были предприняты попытки осмыслить современное состояние и содержание военно-уголовного законодательства¹ и военно-уголовного права², а также определить пути и перспективы их дальнейшего совершенствования и развития. В указанных публикациях содержится интересный фактический материал, представляющий значительную научную ценность.

Однако, характеризуя современное состояние развития военно-уголовного права, необходимо отметить отсутствие за последние несколько десятилетий сколько-нибудь значимых теоретических трудов, определяющих содержание и место военно-уголовного законодательства в системе законодательства, а также военно-уголовного права в системе права. По всей видимости, именно указанными обстоятельствами обусловлены существующие в настоящее время определенное непонимание в юридической научной среде понятия и содержания военно-уголовного права, а также слабая актуализация в сознании некоторых ученых-юристов содержания понятий «военно-уголовное законодательство» и «теория военно-уголовного законодательства».

Представляется, что для определения современного содержания и сущности отечественного военно-уголовного законодательства и военно-уголовного права в методологическом и научном плане определенную помощь может оказать изучение истории развития военно-уголовного права как научной дисциплины, а также историко-правовое исследование научных взглядов видных ученых-юристов прошлого на теоретические основы и проблемы военно-уголовного права.

¹ См., напр.: *Ахметшин Х.М.* Военно-уголовное законодательство в системе военного права Российской Федерации // Рос. военно-правовой сб. 2004. № 1. С. 86—88; *Зателетин О.К.* Военно-уголовное законодательство России: история, современность и перспективы // История развития уголовного права и ее значение для современности: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 26—27 мая 2005 г. М., 2006. С. 135—140; *Ходусов А.А.* Военно-уголовное законодательство современной России // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 483—488 и др.

² См., напр.: *Бражник Ф.С.* К вопросу о военно-уголовном праве // Рос. военно-правовой сб. 2004. № 1. С. 90—94; *Милоков С.Ф.* Отечественное военно-уголовное право: история и современность // История развития уголовного права и ее значение для современности. С. 327—335; *Шарапов С.Н.* Современное состояние и перспективы развития военно-уголовного права // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 488—497 и др.

Значение анализа истории военно-уголовного права на различных этапах его развития, прежде всего, состоит в выявлении стабильных тенденций в его эволюции, которое позволит относительно достоверно прогнозировать дальнейшее развитие военно-уголовного законодательства. Известно, что процесс совершенствования закона, в том числе и уголовного, постоянен. Ретроспективный взгляд на военно-уголовное право России, учет, осмысление и использование исторического опыта его развития могут оказать неоценимую помощь и позволят избежать ошибок прошлого в законодательной деятельности настоящего и будущего. Безусловно, этот исторический опыт позволит также по-новому взглянуть на современные проблемы военно-уголовного законодательства и практики его применения.

Кроме того, только пристальное и детальное изучение исторического опыта формирования и развития военно-уголовного права может способствовать отделению в этом сложном и неоднозначном процессе объективного от субъективного и творческого.

Указанные обстоятельства должны существенным образом повлиять на активизацию интереса к проблемам становления и развития отечественного военно-уголовного права. В современных условиях сложилась благоприятная обстановка для того, чтобы полно, всесторонне и незаинтересованно проанализировать историю развития военно-уголовного права, изучить позитивные и негативные стороны этого процесса.

Однако в настоящее время историко-правовые исследования военно-уголовного права, к сожалению, не проводятся. Как исследовательская проблема военно-уголовное право в последние годы только начинает получать свои очертания. При обилии научных публикаций, прямо или косвенно связанных с изучением военно-уголовного законодательства на различных этапах его истории, собственно военно-уголовное право до настоящего времени не стало предметом историко-юридических исследований. На сегодняшний день практически не изученными остаются многие вопросы истории развития как дореволюционного, так и постреволюционного военно-уголовного права России, разрешение которых позволило бы по-новому взглянуть на развитие военно-уголовного законодательства в нашей стране, более точно обозначить проблемы военно-уголовного права

теоретического характера, выяснить причины его кризиса в середине 50-х гг. прошлого века, а также определить современное состояние военно-уголовного права.

Представляется также, что последовательное проведение историко-правовых исследований в области военно-уголовного права позволит критически переосмыслить устоявшиеся в военно-юридической науке за последние полвека воззрения на военно-уголовное право как на пройденный исторический этап развития военно-уголовного законодательства, а объективная оценка изменений уголовного законодательства, определение места военно-уголовного законодательства в системе законодательства Российской Федерации и военно-уголовного права в системе права в соответствии с основными положениями теории и философии права приведет к формированию современной парадигмы военно-уголовного права.

Военно-уголовное право как самостоятельный феномен права с некоторыми признаками отрасли права в его современном понимании имеет глубокие исторические корни, насчитывает несколько тысячелетий и, по всей видимости, является одной из самых древних систем права.

По мнению некоторых исследователей, военно-уголовное право могло возникнуть и сформироваться на основании полномочий вождя отдавать приказы во время ведения племенем военных действий (командное право). Так, Э. Аннерс со ссылкой на римского историка Тацита пишет: «Из этого командного права вытекало примитивное военно-уголовное право, распространявшееся, например, на такие проступки, как предательство, трусость в бою, дисциплинарные преступления (неповиновения) и т. д.»¹.

В римском уголовном праве все преступления делились на общеуголовные (*delicta communia*) и воинские (*delicta militaria propria*). Причем воинские преступления представляли наиболее разработанную в юридическом отношении часть римского уголовного права, что было обусловлено значением боеспособной и дисциплинированной армии для римского государства. Процесс перехода к профессиональной армии также стимулировал развитие в уголовном праве Рима военно-уголовных норм. В частности, воинскими преступлениями признавались измена, переход на сторону врага,

¹ Аннерс Э. История европейского права. М., 1996. С. 12.

разглашение военной тайны, бунт, призыв к восстанию, побег с поля боя, добровольная сдача в плен, неповиновение, неисполнение приказа, неуважительное отношение к начальнику, уклонение от военной службы (дезертирство, членовредительство, самовольная отлучка), нанесение ран товарищу по отряду, утрата, продажа, хищение оружия или другого военного имущества и т. д.¹

Наряду с описанием конкретных составов воинских преступлений, в римском военно-уголовном праве содержались положения о понятии воинского преступления, формах вины, соучастии в воинском преступлении и др. Кроме того, римское военно-уголовное право регламентировало как порядок расследования дел, так и применение наказаний (смертной казни, продажи в рабство, телесных наказаний, денежных взысканий, наложения особых повинностей, разжалования, позорного изгнания из армии, перемещения по службе с понижением и пр.)².

По мере развития человеческого общества положения римского военно-уголовного права широко использовались в законодательстве различных государств³.

В составе российского права, начиная со Средневековья, а именно с тех пор как появились на Руси вооруженные отряды людей, сформированные государством для решения военных задач, и до настоящего времени существовали особые правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение воинских преступлений, именуемые в разное время либо военно-уголовным правом, либо военно-уголовным законодательством.

В истории России использовались различные формы обособления указанных правовых норм, которые отражали этапы развития отечественного уголовного права, а также решаемые государством в тот или иной исторический период военно-политические задачи. Однако с начала XVIII в. и почти до конца XX в. наряду с общими

¹ Нормы римского военно-уголовного права систематизированы в 16-м титуле 49-й книги Дигест Юстиниана — «De re militare» — в виде фрагментов работ римского юриста Ария Мэнандра, а также предписаний императоров Севера и Антония, постановлений Траяна, Августа и Антония Пия.

² Дигесты Юстиниана: Приложения. Книга 49, титул XXVI «О военном деле» // Памятники римского права. Законы XII таблиц, Институции Гая, Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 591—598.

³ Шулепов Н.А. Правовое регулирование уголовной ответственности военнослужащих в Великобритании, США, Франции и ФРГ (характеристика национальных систем военно-уголовного права): учеб. пособие. М., 2000.

уголовными законами в России действовали специальные правовые акты об уголовной ответственности военнослужащих.

История военно-уголовного законодательства в юридической науке изучена достаточно подробно¹. Однако по поводу возникновения и развития военно-уголовного права в России до настоящего времени не существует специальных научных исследований. Между тем именно история развития военно-уголовного права позволяет внимательному и добросовестному исследователю понять юридическую природу и социальную сущность данного правового феномена системы российского права.

Становление и развитие отечественного военно-уголовного права заняло достаточно длительный отрезок времени. История военно-уголовного права в России насчитывает не одну сотню лет. Его генезис неотделим от генезиса Российского государства и его армии, отечественного уголовного и военного права, военно-юридической науки как таковой и военно-юридического образования в целом.

История военно-уголовного права, регулировавшего постоянно изменяющиеся общественные отношения в сфере уголовной ответственности военнослужащих, исчисляется тысячелетиями. В разные периоды истории, в разных государствах с помощью военно-уголовных правовых норм получали должную правовую охрану воинский порядок и дисциплина, составляющие основу боеспособности любого войска. Существующие в настоящее время военно-уголовные нормы были выработаны в результате многовековой истории развития армии, исходя из ее насущных потребностей.

С возникновением писаного права военно-уголовное право в различных исторических и национальных системах права представляло собой, как правило, самостоятельное правовое образование.

В истории российского права до создания регулярной армии нормы военно-уголовного права не представляли в своей совокупности сколько-нибудь значимого структурного образования в системе права. Некоторые военно-уголовные нормы об ответственности за воинские преступления предусматривались в законах, носящих комплексный характер и направленных, прежде всего, на регулирование иных отно-

¹ Савинов В.М. Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства. СПб., 1869; Шендзиковский И.А. Конспект лекций по истории русского военно-уголовного законодательства. СПб., 1885; Алексеев Н.С. Возникновение русского военно-уголовного законодательства // Учен. зап. / Ленингр. ун-т. 1951. Сер. юрид. наук. Вып. 3. С. 377—386 и др.

шений. Отдельные нормы военно-уголовного характера содержались в Литовском статуте 1529 г., Боярском приговоре о станичной и сторожевой службе 1571 г., Уставе ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки, 1621 г., Соборном уложении 1649 г. и др.

Начиная с Артикула воинского 1716 г.¹ и до 1922 г. нормы военно-уголовного права в праве Российского государства, а также его законодательстве стали принципиальным образом обособляться от общего уголовного и военного права в отдельных нормативных правовых актах, представлявших собой достаточно замкнутую и относительно самостоятельную систему. Так, например, Артикул воинский с кратким толкованием был включен в часть вторую Воинского Устава 1716 г.; Устав военно-уголовный 1839 г. представлял собой отдельную часть — часть пятую Свода военных постановлений, а Воинский устав о наказаниях 1867—1868 гг., Устав дисциплинарный 1879 г. и Устав военно-судебный 1867 г. составляли часть шестую Свода военных постановлений. В истории российского права XVIII—XIX вв. Артикул воинский и вовсе занимает особое место в связи с тем, что, во-первых, содержал, помимо специальных воинских, развернутую систему общеуголовных преступлений, во-вторых, почти сразу же после издания его действие высочайшим Указом от 10 апреля 1716 г. было распространено также и на лиц, не являющихся военнослужащими, и для «общеуголовных» судов он являлся действующим уголовным законом до 1832 г.²

Перечисленные выше источники относились к военно-уголовному праву сухопутных вооруженных сил (армии). По отношению к военно-морскому флоту в указанное время в России действовала и параллельно развивалась также обособленная система военно-морских законов, содержащих, в частности, нормы военно-морского уголовного права (Устав морской о всем, что касается к доброму управле-

¹ До издания Артикула воинского 1716 г. в российской армии действовали «Уложение, или право воинского поведения генералов, средних и меньших чинов и рядовых солдат» 1701—1702 гг., составленное фельдмаршалом Б. Шереметьевым, и «Краткий артикул, избранный из древних христианских и воинских прав и пр.», составленный и утвержденный князем А. Меншиковым, также относящиеся к военно-уголовному праву. Однако Артикул воинский, прежде всего, по своей юридической природе, а также по уровню законодательной техники значительно отличался от указанных источников, представлявших собой в основе своей перевод военно-уголовных законов некоторых западноевропейских государств того времени, адаптированный к российским условиям военной службы.

² Шендзиковский И.А. Указ. соч. С. 46.

нию в бытность флота на море, 1720 г., Устав военного флота 1797 г., Свод морских уголовных постановлений 1851 г., Военно-морской судебный устав 1874 г., Военно-морской устав о наказаниях 1875 г., Военно-морской дисциплинарный устав 1889 г.)¹, а наряду с системой военных судов существовала и самостоятельно функционировала система военно-морских судов, в которой с 1867 г. стал действовать к тому же главный военно-морской суд. Справедливости ради следует отметить, что, как правило, нормы военно-морского уголовного права заимствовались из источников военно-уголовного права и отличались от них лишь в части установления ответственности за специфические «военно-морские» преступления, которые учитывали особенности службы на военно-морском флоте (самовольное оставление флота, перемена курса корабля без разрешения начальника и др.), а также замены некоторых видов наказаний специфическими «морскими» наказаниями, «приспособленными» к условиям службы на военных кораблях (содержание в кубрике или под деком, работы на галерах вместо каторжных работ, наказание «кошками» или «линьками» вместо шпицрутенов и розог и др.).

Кроме того, помимо «основных» источников, в систему военно-уголовного права рассматриваемого периода включалось значительное количество «вспомогательных»: действующие книги сводов военных постановлений, устав о воинской повинности, устав гарнизонной службы, уставы внутренней службы в пехотных войсках и кавалерии, приказы по военному ведомству, циркуляры главного штаба, различные положения, инструкции и наставления и т. д., а также решения главного военного суда².

Особого внимания заслуживает и то обстоятельство, что длительное время в системе российского права военно-уголовное право, а также и военно-морское уголовное право состояли не только из норм материального, но и из норм процессуального права (военно-уголовного судопроизводства). Так, например, Устав военно-уголовный 1839 г. и Свод морских уголовных постановлений 1851 г. состояли из двух

¹ До издания Морского устава 1720 г. известно также о существовании в России и других правых источников, содержащих нормы военно-морского уголовного права: Артикульные статьи капитана Бутлера «Как должен капитан между корабельными людьми расправу чинить и ведать их» 1668 г., «Указ по галерам» 1696 г., «Инструкции и Артикулы Российскому флоту» 1710 г. и др.

² См. об этом подробнее: *Кузьмин-Караваев В.Д.* Военно-уголовное право. Часть Общая. СПб., 1895. С. 114—116.

частей: первая часть содержала материальные военно-уголовные нормы, вторая часть — нормы процессуальные (военно-судебные).

Приведенные положения, казалось бы, убедительным образом свидетельствуют о том, что в системе российского права в рассматриваемый период совокупность норм военно-уголовного права представляла собой достаточно объемное и самостоятельное правовое образование, носящее при этом комплексный характер и состоящее из норм как материального, так и процессуального права, которое вполне возможно было бы определить как *отрасль права* (в современном понимании). Однако такой вывод является преждевременным. Нами приведены лишь некоторые данные о «внешней» стороне военно-уголовного права XVIII—XIX вв. Кроме того, общеизвестно, что объемность правовых норм и их обособленность в отдельных нормативных правовых актах не может однозначно свидетельствовать о наличии достаточных оснований для выделения этих норм в отрасль права.

Неизмеримо более существенное значение для определения места военно-уголовного права в системе российского права имеет его «внутренняя» содержательная сторона.

Прежде всего, необходимо отметить, что в Артикуле воинском 1716 г. и Морском уставе 1720 г. не имелось выделенной «Общей части» и некоторые «общие» нормы указывались при определении ответственности за отдельные преступления. Причем особо следует подчеркнуть, что указанные «общие» нормы Артикула воинского послужили основой для дальнейшего развития русского уголовного права. Однако, начиная с Устава военно-уголовного 1839 г., в основных источниках военно-уголовного права появляется так называемая Общая часть, в которой содержались нормы, определяющие понятие преступления, умышленной и неосторожной вины, покушения на преступление, обстоятельств, увеличивающих и уменьшающих вину, и др. Далее следует констатировать, что анализ указанных норм Общей части основных источников военно-уголовного права в рассматриваемый период позволяет сделать вывод о том, что они не носили самостоятельного характера, а лишь воспроизводили нормы общего уголовного законодательства, отличаясь от них крайне незначительным образом.

В Воинском уставе о наказаниях 1867—1868 гг., состоявшем из пяти разделов, разделы первый «О преступлениях, проступках и

наказаниях вообще» и пятый «О наказаниях содержащихся в дисциплинарных батальонах или ротах» были полностью посвящены вопросам Общей части военно-уголовного права, кроме того, некоторые нормы, относящиеся к Общей части, имелись в разделах третьем и четвертом. Только второй раздел «О воинских и других преступлениях и проступках по службе военной» содержал нормы, в которых определялись конкретные составы воинских и других преступлений. Нормы Общей части Воинского устава о наказаниях устанавливали соотношение военно-уголовного права с общим уголовным правом, содержали развернутую систему наказаний и определяли порядок их назначения, указывали обстоятельства, увеличивающие или уменьшающие вину, и др. Однако и здесь указанные нормы военно-уголовного права были зависимы от норм общего уголовного права и по своей сути либо дополняли их, либо устанавливали определенные «изъятия» в тех случаях, когда применение общеуголовных норм было невозможно в связи с особенностями военной службы.

Представляется, что такое соотношение норм общего уголовного и военно-уголовного права в системе права является единственно возможным. Вполне очевидно, что «в одном и том же государстве, в одно и то же время двух подобных общих частей существовать не должно. Иначе законодательство было бы в разладе с самим собою по самым основным и жизненным вопросам, на которые, оставаясь последовательным, нельзя дать два разных ответа»¹.

Начиная с Воинского устава о наказаниях 1867—1868 гг. военно-уголовное право становится все более зависимым от общего уголовного права, несмотря на то что в его Общей части имелись самостоятельные нормы, а в его Особенной части по-прежнему предусматривалось значительное количество, в частности, общеуголовных преступлений, отличавшихся к тому же более строгой наказуемостью.

В соответствии со ст. 1 Воинского устава о наказаниях «во всех тех случаях, для коих настоящим Уставом не постановлено изъятий или особых правил к лицам, подлежащим действию военно-уголовных законов, применяются относительно преступлений, проступков и наказаний общие постановления действующих по гражданскому ведомству уголовных законов (Уложение о Наказаниях уголовных

¹ Сборник законодательных работ по составлению воинского устава о наказаниях. СПб., 1869. С. 38—39.

и исправительных и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями)»¹. В то же время заметим, что данная норма также определяла и специальный характер воинского устава о наказаниях и указывала на наличие в нем «изъятий или особых правил» и необходимость применения норм военно-уголовного права при наличии данных «изъятий». Кроме того, нормы воинского устава о наказаниях, предназначенные, прежде всего, для военнослужащих, так же как и нормы артикула воинского, в свою очередь, на практике широко применялись к гражданским лицам, особенно в части ответственности за преступления военного времени.

В начале XX в. военно-уголовное право также продолжало развиваться как достаточно обособленная «внешне», однако «внутренне» зависимая от общего уголовного права составная часть российской системы права. Основным действующим источником военно-уголовного права оставался воинский устав о наказаниях, в который периодически вносились определенные изменения и дополнения. Кроме того, накануне революции 1917 г. военно-уголовное право было дополнено также целым рядом отдельных постановлений временного правительства, содержащих военно-уголовные нормы.

Таким образом, даже краткий исторический обзор процесса развития военно-уголовного права с начала XVIII в. до начала XX в. позволяет сделать вывод о наличии на всем его протяжении не центростремительных, а центробежных сил, направленных на достижение определенного единства его норм с нормами общего уголовного права, которое выражалось либо в наличии очевидной зависимости норм военно-уголовного права от норм общего уголовного права и обусловленности норм военно-уголовного права нормами общего уголовного права, либо в применении норм военно-уголовного права к гражданским лицам. Вектор развития военно-уголовного права не был направлен на преодоление границ уголовного права.

Действительно, особое положение военнослужащих в России и исключительные условия прохождения ими военной службы обуславливали необходимость наличия в государстве специальных «охранительных» военно-уголовных законов для защиты интересов военной службы и военной организации государства. Отмеченными обстоятельствами обусловлена также невозможность применения к

¹ Воинский устав о наказаниях 1869 года // Свод Военных Постановлений. СПб., 1893. Кн. 22.

военнослужащим в ряде случаев норм общеуголовных законов, даже если они совершали общеуголовные преступления. Однако данные военно-уголовные законы безусловно и очевидно не могли существенным образом отличаться от общих уголовных законов, особенно в части определения понятий преступления и наказания, стадий преступления, форм вины и иных основополагающих начал уголовного права. Иное положение привело бы к неустранимым системным противоречиям между уголовным и военно-уголовным правом, основное отличие которых во все времена и во всех правовых системах заключалось, прежде всего, в особом объекте уголовно-правовой охраны и субъектном составе.

В то же время отмеченная необходимость согласованности основных начал уголовного и военно-уголовного права никоим образом не препятствовала установлению специальных и отличных от общеуголовных норм как в Общей, так и в Особенной части военно-уголовного права, в соответствии с которыми военнослужащие привлекались к ответственности за те специфические преступления против интересов военной службы, которые не могли быть совершены гражданскими лицами, а также подвергались различным «воинским» наказаниям, характер которых был предопределен особенностями несения ими военной службы.

В истории развития российского военно-уголовного права в рассматриваемый период отмеченная выше зависимость его норм от норм общего уголовного права находила отражение и в законодательной конструкции «военно-уголовных кодексов». В одном случае «военно-уголовный кодекс» мог быть полностью самостоятельным как по форме, так и по содержанию и повторять в полном объеме соответствующие общеуголовные нормы (например, Устав военно-уголовный 1839 г.), в другом — быть зависимым по форме от норм уголовного законодательства и содержать лишь некоторые изъятия или особенности (Воинский устав о наказаниях 1867—1868 гг.).

Несмотря на наличие очевидной «внутренней» связи и взаимозависимости военно-уголовного и общего уголовного права, очевидная специфика норм военно-уголовного права, их направленность на регламентацию ответственности исключительно военнослужащих за воинские и иные преступления и воинских наказаний за их совершение, а также обособленность данных норм от общего уголовного

законодательства в отдельных нормативных правовых актах привели к появлению в юридической науке концепции, в соответствии с которой военно-уголовное право признавалось «самостоятельной отраслью уголовного права». Указанная концепция появилась в юридической науке в 80—90-е гг. XIX в.¹ Теоретическое обоснование военно-уголовного права как самостоятельной отрасли права уголовного в системе российского права произошло в стенах Александровской Военно-юридической академии благодаря научным трудам Я.А. Неелова, В.Д. Кузьмина-Караваева, А.А. Мушникова, Н.И. Фалеева, А.С. Друцкого, Д.Д. Бессонова и др.

В соответствии с указанной концепцией военно-уголовное право в системе права определялось следующим образом: с одной стороны, военно-уголовное право является отраслью общего уголовного права, в то же время, с другой стороны, самостоятельной отраслью. Отраслью общего уголовного права военно-уголовное право признавалось в связи с его очевидной и полной зависимостью от него «в общих уголовно-правовых началах». Самостоятельность отрасли военного уголовного права обосновывалась наличием у него «специальных задач» в области «воинских преступных деяний и воинских наказаний» и ограничивалась его предметом: воинскими преступными деяниями, воинскими наказаниями и условиями их назначения².

В сущности, такое же понимание военного уголовного права встречалось в правовой науке XIX в. и ранее: «Для солдата особого правового начала не существует. Поэтому уголовное право его, в принципе, — общее уголовное право. Поэтому военно-уголовное право, будет ли оно собрано в особенном уложении или нет — безразлично, является только обусловленным сущностью войска видоизменением общего уголовного права. И с этой именно точки зрения его следует рассматривать и разрабатывать», — утверждал в 1872 г. один из основоположников теории военного права выдающийся немецкий ученый-юрист Лоренц фон Штейн³.

¹ По нашим данным, впервые в России термин «военно-уголовное право» был использован М.М. Михайловым. Однако содержание данного термина не было раскрыто. (*Михайлов М.М.* Военно-уголовное право: курс военно-уголовных законов и военного судопроизводства, читанный в Константиновском военном училище в 1869—1870 гг. СПб., 1871).

² *Кузьмин-Караваев В.Д.* Указ. соч. С. 1—2, 87—90.

³ *Штейн Л. фон.* Учение о военном быте как часть науки о государстве / пер. А. Эртеля. СПб., 1875. С. 151.

Признание военно-уголовного права самостоятельной отраслью общего уголовного права в конце XIX в. и в начале XX в. создавало, в свою очередь, основу для обоснования в юридической науке военно-уголовного права как науки. Однако некоторые ученые-юристы того времени считали, что военно-уголовное право не имеет реальных оснований для теоретической разработки¹.

Тем не менее, в начале XX в. сторонники военно-уголовного права в своих работах вполне успешно позиционировали военно-уголовное право как самостоятельную отрасль общего уголовного права, а также отрасль науки права общеуголовного², имеющую своим предметом «изучение природы воинских преступных деяний, воинских наказаний и условий их назначения»³.

Правомерность определения военно-уголовного права как самостоятельной отрасли уголовного права в конце XIX — начале XX вв. была обусловлена наличием: во-первых, собственного предмета — охрана от нарушений норм военного закона, которые нормами «общего уголовного закона не охраняются и охраняемы быть не могут»⁴; во-вторых, определенных особенностей в методе правового регулирования; в-третьих, Общей части с самостоятельной «лестницей наказаний» и особых норм с определенными отступлениями от общеуголовных норм, которые «вызываются особенностями военной службы и дисциплины»⁵; в-четвертых, отдельных от уголовного законодательства военно-уголовных законов с обособленными в них материальными и процессуальными нормами.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым заметить, что с учетом современных положений правовой теории военно-уголовное право представляло собой в системе права в рассматриваемый период самостоятельное правовое образование, которое можно определить как *подотрасль уголовного права*. Именно статус

¹ См., напр.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 1. М., 1994. С. 111.

² Фалеев Н.И. Самостоятельность науки военно-уголовного права // Право. 1903. Ст.ст. 450—455; Друцкой А.С. Военно-уголовное право: его современное состояние и задачи // Журн. М-ва юстиции. 1902. № 5; Бессонов Д.Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве: дис. на тему, утвержденную конференцией Александровской Военно-юридической Академии. СПб., 1907.

³ Кузьмин-Караваев В.Д. Указ. соч. С. 1—2.

⁴ Там же. С. 121.

⁵ Журнал Высочайше учрежденной комиссии для рассмотрения проекта воинского устава о наказаниях. СПб., 1865. С. 66.

подотрасли уголовного права, как нам представляется, наилучшим образом раскрывает правовую природу, сущность и действительное положение военно-уголовного права в системе отечественного до-революционного права. Однако появление и обоснование существования подотраслей права в системе права в качестве ее структурных элементов произошло в юридической науке гораздо позднее.

Новый исторический этап в развитии военно-уголовного права в системе отечественного права начинается уже в новых политических условиях. После революции 1917 г. Декретом о суде № 1 дореволюционное законодательство, в том числе и военно-уголовное, было отменено, однако военно-уголовное право не прекратило своего существования. В «революционной» системе права нормы нового — «революционного» — военно-уголовного права в первые годы после революции стали устанавливаться в декретах и постановлениях советской власти. Некоторые из них были специально направлены исключительно на решение задач военно-уголовного права («О дезертирстве» 1918 г., «О мерах борьбы с дезертирством» 1919 г. и др.). Нарушение норм военно-уголовного права, как правило, наказывалось «по всей строгости революционных законов, вплоть до расстрела». Следует отметить, что нормы военно-уголовного права в этот период не получили особого развития. В «революционном» законодательстве не было закона, в котором бы определялась система воинских преступлений. В некоторых декретах и постановлениях советской власти мы находим только упоминания об отдельных воинских преступлениях. Создание развернутой системы норм военно-уголовного права приобрело первостепенное значение и являлось неотложной задачей Советского государства после создания РККА и РККФ.

Впервые в постреволюционной России нормы военно-уголовного права были некоторым образом систематизированы в Положении о революционных военных трибуналах 1919 г., в котором не содержалось описание конкретных составов воинских преступлений и не указывались определенные санкции за каждое преступление, но, тем не менее, был установлен подробный перечень видов преступлений, совершаемых военными служащими (в том числе специально воинских). Общий перечень наказаний, применяемых революционными военными трибуналами к осужденным военным служащим, был установлен в отдельной статье указанного Положения.

В целом военно-уголовное право первых лет советской власти, как, впрочем, и все право «победившего пролетариата» в это время, не представляло собой целостную систему норм. Однако основа для его дальнейшего развития и совершенствования была создана.

Принятие в 1922 г. первого УК РСФСР ознаменовало собой применение нового подхода к консолидации и структурированию норм военно-уголовного права в системе права. Нормы военно-уголовного права были кодифицированы в самостоятельной главе «Воинские преступления» и являлись неотъемлемой составной частью отрасли уголовного права. Причем особо отметим, что первоначальная редакция УК РСФСР 1922 г. не содержала вовсе никаких «изъятий» по применению норм Общей части к военнослужащим. В условиях полной кодификации уголовного законодательства совокупность норм военно-уголовного права, регулирующих относительно обособленные однородные общественные отношения (военно-уголовные), по нашему мнению, в современном понимании стала представлять собой в системе российского права *институт уголовного права*.

После создания в 1922 г. СССР 31 октября 1924 г. были изданы Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, в соответствии с которыми виды воинских преступлений и «порядок применения к ним мер социальной защиты» относились к исключительной компетенции законодательных органов СССР¹. Указанное изъятие лишний раз свидетельствует о важности норм военно-уголовного права для государства, а также об их особом характере.

Одновременно с Основными началами было принято Положение о воинских преступлениях². В данном Положении нормы военно-уголовного права в основном воспроизводились в редакции УК РСФСР 1922 г. с учетом внесенных в него к тому времени изменений и дополнений. Однако названным Положением также изменялось содержание некоторых действующих военно-уголовных норм, предусмотренных УК РСФСР, уточнялось понятие субъекта воинских преступлений и вводилось несколько новых составов воинских преступлений.

¹ СЗ СССР. 1924. № 24. Ст.ст. 204—205.

² Там же. Ст.ст. 204, 207.

Положение о воинских преступлениях 1924 г. возобновило двухсотлетнюю традицию отечественного права — издание отдельных военно-уголовных законов. Вполне очевидно, что данное Положение было принято, прежде всего, в целях обеспечения единства уголовной политики государства по борьбе с воинскими преступлениями и унификации норм военно-уголовного права союзных республик. Однако Положение о воинских преступлениях 1924 г., в основе своей сохранившее преемственность в отношении «республиканского» военно-уголовного права, свидетельствовало о появлении в системе отечественного права некоторым образом обособленных (специальным образом выделенных) от общего уголовного права «общесоюзных» военно-уголовных норм, что, в свою очередь, создавало предпосылки для обоснования перехода совокупности военно-уголовных норм в системе права вновь на более высокий уровень — *подотрасль уголовного права*.

Далее представляется необходимым отметить малоизвестный, но имеющий существенное значение для понимания места военно-уголовного права в системе права факт. Дело в том, что нормы военно-уголовного права, содержащиеся в Положении о воинских преступлениях 1924 г., подлежали включению в уголовные кодексы союзных республик¹. Положение было опубликовано 6 декабря 1924 г., однако в УК РСФСР соответствующие изменения были внесены лишь при его издании в новой редакции, в которой он вводился в действие с 1 января 1927 г. Таким образом, в российском уголовном праве на протяжении двух лет действовали две системы норм военно-уголовного права — «общесоюзная» и «республиканская». В течение некоторого времени многие суды продолжали применять военно-уголовные нормы главы о воинских преступлениях УК РСФСР и уголовные кодексы других союзных республик, которые были заменены общесоюзным Положением о воинских преступлениях. Вопрос о юридической силе данного Положения, а также о времени вступления его в силу на практике решался неоднозначно, однако 16 октября 1925 г. Президиум ЦИК СССР постановил сроком введения в действие Положения о воинских преступлениях

¹ Как правило, военно-уголовные нормы Положения о воинских преступлениях включались в уголовные кодексы союзных республик в виде отдельных глав, за исключением Уголовного кодекса Грузинской ССР, в который Положение было включено в качестве приложения к данному Кодексу.

считать момент его опубликования в установленном порядке. Кроме того, судам было предложено пересмотреть приговоры, вынесенные с нарушением действующего Положения¹.

Отмеченный факт, на наш взгляд, также некоторым образом свидетельствует об относительной обособленности норм военно-уголовного права в уголовном праве. В нашем понимании «обособленность» здесь означает «смысловое» выделение военно-уголовного права без его исключения из уголовного права, придающее ему, однако, некоторую самостоятельность.

После определенных изменений в принципах организации и комплектования РККА в ходе проведения военной реформы, начавшейся в 1925 г., Положение о воинских преступлениях 1924 г. вскоре перестало отвечать современному состоянию реорганизованной армии и нуждалось в некотором обновлении. В связи с этим Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1927 г. было принято новое Положение о воинских преступлениях².

Данное Положение по сравнению с Положением о воинских преступлениях 1924 г. было гораздо более значительным по объему и, помимо нормы, определявшей понятие воинского преступления, вместо 18 содержало 30 статей, в которых формулировались составы конкретных воинских преступлений. Многие из данных составов были новыми. Некоторое количество военно-уголовных норм сохранялось, изменялись лишь их редакция и нумерация. Наглядное представление о соотношении военно-уголовных норм Положения о воинских преступлениях 1924 г. и Положения о воинских преступлениях 1927 г. можно получить из сравнительной таблицы, приведенной в одном из комментариев Положения о воинских преступлениях 1929 г.³ Положение о воинских преступлениях 1927 г. с периодическими внесенными в него изменениями и дополнениями в качестве общесоюзного «военно-уголовного закона» действовало до 1958 г.

Вскоре после принятия Положения о воинских преступлениях 1927 г. в юридической науке С.Н. Орловским и В.И. Малкисом была

¹ Подробнее об этом см.: История советского уголовного права / А.А. Герцензон [и др.]. М., 1947. С. 314—316.

² СЗ СССР. 1927. № 50.

³ Чуватин А.Н., Никитченко М.Н., Черкасов С.П. Положение о воинских преступлениях: пост. коммент. М., 1929. С. 81.

вновь предпринята попытка обоснования концепции военно-уголовного права в системе советского права как самостоятельной отрасли общеуголовного права¹. В военно-юридической науке общепризнано, что теоретические взгляды указанных ученых «не получили широкого распространения»².

Однако нам представляется, что обоснованность приведенного тезиса вызывает некоторые сомнения. Так, в 1938 г. в одной из своих работ К.И. Солнцев — видный ученый в области уголовной ответственности за воинские преступления — писал: «Советские военно-правовые нормы являются частью, отраслью социалистического права, *военно-уголовные нормы являются частью, отраслью социалистического уголовного права*»³. Таким образом, становится вполне очевидным, что в юридической науке в конце 20-х и 30-х гг. XX в. военно-уголовное право в системе права, как и задолго до этого, определялось как *отрасль общего уголовного права*.

В 30—40-х гг. XX в. нормы военно-уголовного права были вновь распространены на некоторые категории гражданских лиц, не являвшихся военнослужащими.

Очередная попытка институционализации военно-уголовного права в системе права вновь как отрасли уголовного права была предпринята в Военно-юридической академии РККА в начале 40-х гг. XX в. Профессором В.М. Чхиквадзе был выдвинут тезис о существовании в системе права специальной отрасли уголовного права — военно-уголовного права⁴; в последующем военно-уголовное право было теоретически обосновано как отрасль уголовного права, а также разработаны критерии его дисциплинарности как юридической науки. Военно-уголовное право определялось как *особая отрасль общего уголовного права*, предназначенная для борьбы с преступлениями особого рода — воинскими преступлениями⁵.

В отличие от В.Д. Кузьмина-Караваяева и его сторонников В.М. Чхиквадзе не выделял в военно-уголовном праве признака

¹ Орловский С., Малкис В. Советское военно-уголовное право. Общая часть, учение о материальном и процессуальном военно-уголовном праве. М. ; Л., 1928.

² Ахметшин Х.М. Советское военно-уголовное законодательство: учеб. пособие. М., 1972. С. 7.

³ Солнцев К.И. Воинские преступления. М., 1938. С. 4.

⁴ Чхиквадзе В.М. К вопросу о предмете советского военно-уголовного права // Совет. государство и право. 1940. № 12. С. 46—53.

⁵ Чхиквадзе В.М. Военно-уголовное право. Ч. 1. Общая / под ред. И.Т. Голякова. М., 1946. С. 3—18.

«самостоятельности». Напротив, он полагал и в своих работах неоднократно подчеркивал, что военно-уголовное право, являясь особой отраслью, существует вовсе не как противоположность праву уголовному: между общим уголовным и военно-уголовным правом существует неразрывная связь, а также единство основных принципов и задач, обусловленное единством общего и воинского правопорядка, «военно-уголовное право находится в неразрывной связи, в единстве с общеуголовным правом», «задачи, стоящие перед военно-уголовным правом, не являются принципиально отличными от задач уголовного права» и военно-уголовное право, «отправляясь от общих задач уголовного права, ставит себе частные специальные задачи»¹.

Действительно, незадолго до Второй мировой войны безусловно существовала потребность в особой отрасли права, которая, с одной стороны, была бы соизмерима с уголовным и военным правом, но, с другой стороны, имела бы в виду не общие, а особые положения, применимые исключительно к военнослужащим, совершившим воинские преступления.

Наличие определенной специфики военно-уголовного законодательства, а также отличного от общеуголовного определения воинского преступления и специальных норм, регламентирующих уголовную ответственность военнослужащих, не могло не породить вновь идею о некоторой самостоятельности военно-уголовного права, способствуя возникновению проблемы статуса военно-уголовного права как отрасли уголовного права.

С начала 40-х гг. XX в. термин «военно-уголовное право» вновь входит в научный оборот, постепенно замещая собой термин «военно-уголовное законодательство», а понятие «военно-уголовное право» употребляется в значении отрасли уголовного права. Кроме того, именно в это время военно-уголовное право вновь заявляет о себе как о самостоятельной науке. Данный период в истории военно-уголовного права связан с именами выдающихся ученых-юристов, таких как А.А. Герцензон, Н.В. Васильев, Н.И. Загородников, М.М. Исаев, В.Н. Кудрявцев, В.И. Курляндский, В.Д. Меньшагин, А.А. Пионтковский, М.Я. Савицкий, Б.С. Утевский, М.Д. Шарго-

¹ Чхиквадзе В.М. Военно-уголовное право. Ч. 1. Общая С. 13—21; *Его же*. К вопросу о предмете советского военно-уголовного права. С. 46—53.

родский и др.¹ В эти годы последовательная разработка концепции военно-уголовного права как особой отрасли уголовного права позволила профессору В.М. Чхиквадзе разработать и предложить проект военно-уголовного кодекса СССР со своей Общей и Особенной частью².

Таким образом, в начале 40-х гг. XX в. военно-уголовное право в системе права представляло собой *отрасль уголовного права*. Если употребить вместо термина «*отрасль уголовного права*» более понятный в настоящее время термин «*подотрасль уголовного права*», то обоснованность такого утверждения, по нашему мнению, не может вызывать сомнений. Кроме того, если бы даже предпринятые попытки создания военно-уголовного кодекса СССР завершились успешно, то и в этом случае, на наш взгляд, не появились бы основания для утверждения о возникновении в системе права новой *отрасли* — военно-уголовного права. Кодификация норм права, как известно, представляя собой лишь одну из форм систематизации (упорядочивания) нормативных актов, не является достаточным основанием для выделения какой-либо совокупности норм в системе права в виде отрасли.

Однако уже в начале 50-х гг. XX в. концепция военно-уголовного права как особой отрасли уголовного права в военно-юридической науке была подвергнута жесточайшей критике в силу, прежде всего, определенных политических причин, а также был предпринят комплекс мер, направленных на отказ от идеи формирования военно-уголовного права как самостоятельной отрасли уголовного права.

На научной сессии Совета Военно-юридической академии, состоявшейся 7—8 декабря 1953 г., концепция военно-уголовного права была подвергнута критике и обвинена в излишней гиперболизации

¹ См., напр.: Герцензон А.А. Понятие воинского преступления по советскому уголовному праву: лекция. М., 1955; Васильев Н.В. Применение к осужденным военнослужащим отсрочки исполнения приговора. М., 1945; Загородников Н.И. Преступления против установленного порядка управления боем и участия в бою: лекция. М., 1955; Исаев М.М., Пионтковский А.А. Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного суда СССР. М., 1947; Меньшагин В.Д. Преступления против обороны СССР: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1951; Савицкий М.Я. Отечественная война и некоторые проблемы советского военно-уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1944; Шаргородский М.Д. Квалификация воинских преступлений // Ученые записки ВИЮН. 1945. Вып. 4. С. 54—67 и др.

² Чхиквадзе В.М. О необходимости создания военно-уголовного кодекса Союза ССР, с приложением проекта военно-уголовного кодекса СССР. М., 1947.

его вопросов¹, а на состоявшейся 14—15 апреля 1954 г. научной сессии Совета Военно-юридической академии, посвященной теоретическим вопросам советского военного законодательства, концепция советского военно-уголовного права как отдельной отрасли уголовного права была признана «надуманной, научно не состоятельной и практически вредной, противоречащей принципам единой социалистической законности и задачам борьбы за укрепление единого правопорядка в советском государстве»².

В подавляющем большинстве выступлений концепция военно-уголовного права была подвергнута не совсем корректной и конструктивной критике. Военно-уголовное право обвинялось критиками в «надуманности», «искусственности», «антинаучности», «выпячивании специальных вопросов», «неоправданном обособлении от общенародного правопорядка», «узковедомственности», «формальном практицизме», «нарушении принципа единства законности», «буржуазности», «схоластичности», «вздорности», «искажении правовой жизни в армии», «создании параллельной системы права для армии», «противопоставлении армии и народа» и т. п.³

Однако подобного рода высказывания носили явно идеологический характер и свидетельствовали об узости и ограниченности научного кругозора конкретных ученых. Наиболее важным основанием неприятия военно-уголовного права являлись причины субъективного свойства. Длительно культивируемый в советской юридической науке монологический тип научного знания, основанный на представлении о существовании некоторой единственно верной, истинной научной теории, создал непреодолимый барьер к восприятию идей этой научной дисциплины, базирующейся на принципе диалога различных юридических наук.

Главный военный прокурор А.Г. Горный, оценивая решение указанной научной сессии и не относя себя к числу сторонников существования военно-уголовного права как самостоятельной отрасли права, отмечал, что формы и методы, в которых шла борьба со сторонниками военно-уголовного права, «вообще отбивали желание

¹ Труды ВЮА. 1954. Вып. 20. С. 54.

² Материалы сессии Совета академии, посвященной теоретическим вопросам советского военного законодательства, 14—15 апреля 1954 г. М., 1954.

³ Там же.

и охоту заниматься научной разработкой военно-юридических проблем; тем самым наносился вред и науке, и практике»¹.

Подходы и определения, выработанные в период признания военно-уголовного права самостоятельной (специальной) отраслью уголовного права в системе права и его развития как самостоятельной науки среди юридических наук, не выдержали критики. Концепция военно-уголовного права как отрасли права в ряду других отраслей права, сложившаяся в результате развития системы военно-уголовного законодательства в дореволюционной России в начале XX в. и после некоторого перерыва вновь возникшая в 40—50 гг. XX в., так и не смогла занять и удержать в юриспруденции достойное место и перестала существовать. Научный консерватизм и авторитаризм критиков военно-уголовного права, их преданность раз и навсегда избранной научной теории, ее абсолютизация прекратили развитие военно-уголовного права, а теория военно-уголовного права была заклеймена ими как лженаука. Принцип научного центризма вытеснил принцип научного плюрализма.

Таким образом, благодаря использованию определенных политических и административных технологий концепция военно-уголовного права как самостоятельного структурного образования в системе отечественного права, сложившаяся в дореволюционной России в начале XX в. и после некоторого перерыва вновь возникшая в 40—50-х гг. XX в., перестала существовать.

Указанные решения Совета Военно-юридической академии на долгие годы изменили направление и содержание научно-исследовательской работы в области военно-уголовного права, ограничив ее теоретическим анализом конкретных видов воинских преступлений².

Однако каковы же были на самом деле последствия «разгрома» военно-уголовного права? Допустим, что некая научная концепция «военно-уголовное право — отрасль уголовного права» в юридической науке перестала существовать, но изменилось ли в результате этого положение совокупности военно-уголовных норм в системе права? Отрицательный ответ на данный вопрос очевиден. Каких-либо существенных изменений ни в системе права, ни в «форме его внешнего

¹ Горный А.Г. О разработке военно-правовых проблем // Труды академии / ВПА. 1962. Вып. 40.

² Ахметшин Х.М. Советское военно-уголовное законодательство: учеб. пособие. С. 13, 17.

выражения»¹ — системе законодательства — не произошло. Военно-уголовные нормы по-прежнему образовывали в уголовном праве как отрасли права некоторым образом обособленную совокупность норм, регулирующих однородную группу отношений (военно-уголовные), которая с учетом современных положений правовой теории может быть определена как *подотрасль уголовного права*.

Обоснованность данного утверждения обусловлена наличием следующих критериев: 1) военно-уголовное право объединяет несколько родственных и взаимосвязанных между собой *институтов уголовного права*: институт воинского преступления, институт воинских наказаний, институт преступлений против порядка подчиненности, институт преступлений против порядка прохождения военной службы и др.²; 2) нормы военно-уголовного права регулируют группу близких специфических отношений определенного вида (военно-уголовные) — ответственность военнослужащих за совершение преступлений; 3) нормы военно-уголовного права содержат общие принципиальные положения, присущие только указанным уголовно-правовым институтам (применяются только к субъектам воинских преступлений).

Нормативной основой военно-уголовного права как подотрасли уголовного права являлся отдельный и специальный «военно-уголовный закон» — Положение о воинских преступлениях 1927 г., которое в 1958 г. было заменено Законом об уголовной ответственности военнослужащих.

Подотрасль военно-уголовного права не нарушала ни отраслевого единства норм уголовного права, ни их однородности. Наличие данной отраслевой структуры в уголовном праве лишь отражало особенности внутритраслевых отношений и своеобразии правового статуса субъектов военно-уголовного права.

Однако начиная с середины 50-х гг. XX в. в военно-юридической науке определенная совокупность военно-уголовных правовых норм *в системе права* стала сначала называться *законодательством о воинских преступлениях*³, а затем *военно-уголовным законодательст-*

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 331.

² Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учеб. / под ред. проф. В.Г. Стрекозова. М., 2006. С. 292—293; Военное право: учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М., 2004. С. 16.

³ Лопухов Р.А. По поводу «теории» военно-уголовного права // СЗ СССР. 1954. № 10; Воинские преступления // Советское уголовное право: учеб. Часть Особенная. М., 1956 и др.

вом¹. В учебниках по «воинским преступлениям» даже появились специальные разделы «Критика теории советского военно-уголовного права»², а по истечении некоторого времени из учебников исчезло всякое упоминание о военно-уголовном праве³. Только в немногих научных трудах военно-уголовное право рассматривается в историческом контексте. Таким образом, военно-уголовное право было предано забвению.

Представляется вполне очевидным, что прекращение использования термина «военно-уголовное право» для обозначения совокупности военно-уголовных норм и изменение терминологии никоим образом не повлияли на положение указанной совокупности норм в системе права как *подотрасли* уголовного права. От изменения наименования внутренняя сущность предметов и явлений, как известно, не изменяется.

Утрата военно-уголовным правом статуса «особой отрасли уголовного права» и предпринятые в результате его «переименование» и «маскировка» под «военно-уголовное законодательство», по сути, означавшие некий «формальный» переход норм военно-уголовного права на менее «значимый» (в соответствии с существовавшими в военно-юридической науке в то время взглядами на законодательство как часть права) уровень, были обусловлены причинами, носящими не объективный, а политический и субъективный характер.

«Переименование» военно-уголовного права явилось результатом, прежде всего, определенного политического процесса, изменения ментальности научного сообщества и объективировалось общим отношением в то время к военному праву, которое в системе права также не признавалось отраслью права и называлось военным законодательством. В этой связи, однако, отметим, что использование для обозначения структурного образования системы права в виде определенной совокупности *норм права* (военных и военно-уголовных норм) понятия «законодательство», содержание которого составля-

¹ *Ахметшин Х.М.* Советское военно-уголовное законодательство: учеб. пособие; Уголовное право Российской Федерации. Воинские преступления: учеб. М., 1993 и др.

² См., напр.: *Солнцев К.И.* Воинские преступления // Советское уголовное право: учеб. М., 1938.

³ Уголовное право Российской Федерации. Воинские преступления: учеб.; Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы. М., 1999; Преступления против военной службы / В.М. Борисенко [и др.]; под общ. ред. Н.А. Петухова. СПб., 2002; Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: учеб. пособие / О.К. Затеппин [и др.]. М., 2004 и др.

ют *нормативные акты*, не соответствовало основным положениям правовой науки. Отмеченное несоответствие отражало длительное время существовавшее в военно-юридической науке отождествление содержания и отсутствие дифференциации понятий «право» и «законодательство»¹.

К началу 70-х гг. XX в. в военно-юридической науке сформировалась концепция военно-уголовного законодательства, пришедшая на смену концепции военно-уголовного права. Объективными же предпосылками возникновения военно-уголовного законодательства (как научного направления) явились необходимость продолжения исследования проблем уголовной ответственности военнослужащих и отсутствие в науке уголовного права иных подходов. Достаточно отметить, что в целом ряде учебников по уголовному праву долгое время не рассматривались и не комментировались военно-уголовные нормы².

Однако, как оказалось, военно-уголовное право невозможно отметить в административном порядке, его нельзя «замаскировать» под «военно-уголовное законодательство», ведь нормы военно-уголовного права нельзя «исключить» из уголовного права. Даже тогда, когда концепция военно-уголовного права как самостоятельной отрасли уголовного права была признана несостоятельной и долгие годы данное понятие «официально» не использовалось в юридической науке, тем не менее, понятие «военно-уголовное право» присутствовало как в профессиональном юридическом лексиконе, так и в некоторых научных трудах.

Нам представляется, что в военно-юридической науке ученые-юристы, исследовавшие проблемы уголовной ответственности военнослужащих в рамках самостоятельного научного направления — теории военно-уголовного законодательства, стремились создать некий компромисс между уголовным и военным правом, приспособленный к определенным политическим и социальным условиям 50—70-х гг. XX в. По всей видимости, можно утверждать, что с этих позиций теория военно-уголовного законодательства является измененной и адаптированной концепцией сложившегося в системе отечественного права правового феномена — военно-уголовного права.

¹ Шаратов С.Н. Военно-уголовное законодательство в системе отечественного законодательства: история развития и современное состояние // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 4. С. 102—106.

² См., напр.: Советское уголовное право: Часть особенная. М., 1951 и др.